

ОБЗОРНО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-31>

УДК 159.99

Поколение как предмет социальной психологии: исследовать нельзя отказаться?

А.М. Рикель¹✉, Е.А. Дорохов^{1,2}

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

²Центральный Банк Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

✉ a.m.rikel@gmail.com

Резюме

Актуальность. На фоне возросшего внимания к проблеме межпоколенческих конфликтов в обществе в социальной психологии анализируется методологическая возможность исследования поколений и межпоколенческих различий, приводятся и классифицируются существующие ограничения таких исследований и предлагаются методы нивелирования этих ограничений.

Цель. Предложить и апробировать эмпирически корректную схему исследования поколений в социальной психологии.

Методы. Опрос включал модифицированную авторскую методику «Линия жизни» для исследования представлений о культурных жизненных сценариях. Метод анализа результатов предполагал изучение возможности применения APC-анализа (age-period-cohort) к социально-психологическим исследованиям межпоколенческих различий.

Выборка. Материал, на котором была апробирована данная схема, получен в ходе интернет-опроса (951 человек, 66 % женщин, 34 % мужчин, средний возраст 38,8 лет (SD = 14,84), представители четырех поколенческих когорт).

Результаты. Предложена и обоснована схема исследования межпоколенческих различий, включающая, в частности, использование теоретических метаанализов, методологию APC-анализа и изучение комплексных аттитудов культурного жизненного сценария.

Выводы. Делается вывод о необходимости отказа от исследований традиционных поколений и необходимости перехода к меньшим единицам анализа — квазипоколениям в русле социально-психологической методологии.

Ключевые слова: поколения, межпоколенческие различия, APC-анализ, культурный жизненный сценарий.

Для цитирования: Рикель А.М., Дорохов Е.А. Поколение как предмет социальной психологии: исследовать нельзя отказаться? // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46, № 3. С. 143–165. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-31>

REVIEWS AND ANALYTICAL RESEARCH

Scientific Article

<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-31>

Analysing generation in social psychology: research or reject?

Alexander M. Rikel¹✉, **Yegor A. Dorokhov**^{1,2}

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

² Bank of Russia, Moscow, Russian Federation

✉ a.m.rikel@gmail.com

Abstract

Background. Against the background of increased attention to the category of generation in social psychology, the methodological possibility of studying generations and intergenerational differences is analyzed. The existing limitations of this kind of research are suggested and classified; methods for leveling these limitations are proposed.

Objective is to propose and test an empirically correct scheme for the study of generations in social psychology.

Sample. The material on which this scheme was tested was obtained in the course of an Internet survey (951 people).

Methods. The survey included a modified author's Lifeline methodology to explore perceptions of cultural life scenarios. The method of analysis of the results involved the study of the possibility to apply APC (age-period-cohort) analysis to socio-psychological studies of intergenerational differences.

Results. A scheme for the study of intergenerational differences has been proposed and substantiated, including, in particular, the use of theoretical meta-analyses, the methodology of APC analysis and the study of complex attitudes of the cultural life script (CLS).

Conclusions. The conclusion is made on the need to abandon studies of traditional generations and the need to move to smaller units of analysis — quasi-generations in line with socio-psychological methodology.

Keywords: generations, intergenerational differences, APC analysis, cultural life script.

For citation: Rikel, A.M., Dorokhov, Ye.A. (2023). Analysing generation in social psychology: research or reject? *Lomonosov Psychology Journal*, 46 (3), 143–165. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-31>

Введение

Феномен взаимоотношения людей разных поколений находится в центре внимания ученых-мыслителей еще со времен античной научной мысли, а в XIX–XX веках к ним обратились философы (Ковалева, 2014), демографы (Иванова, 2012), культурологи (Bristow, 2015), социологи (White, 2013). Проблема взаимоотношений поколений поднималась на страницах классической литературы (например, в романе «Отцы и дети» И.С. Тургенева), в исторических трактатах в контексте рассуждений об идеологическом противостоянии людей разного возраста в разные исторические эпохи (В.О. Ключевский), в филологии, где анализ психологических портретов Евгения Онегина или Гамлета рассматривался в контексте их взаимодействия с родителями (Ковалева, 2014; Маховская, 2019). Психологические науки (психогенетика, возрастная психология, социальная психология) в XX веке «присоединились» к активному изучению этого феномена: первая — со стороны генетического наследования психологических признаков, вторая — в контексте передачи психологических паттернов, ценностей, установок в рамках одной семьи (Dohmen et al., 2012; Gauly, 2017), а третья — в контексте исследования поколения как большой социальной группы со схожими условиями социализации в культурно-историческом контексте (Андреева, 2005; Аянян, Марцинковская, 2016, Joshi et al., 2010).

Обыденный дискурс популяризует трактовку поколения в ее социально-психологическом ключе, восходящем к классическому определению немецкого социолога первой половины XX века К. Маннгейма, в которой поколение понимается как общность людей, «...переживших некий эпохальный значимый исторический опыт. Совместное переживание этого опыта порождает поколенческие синдромы, то есть схожую реакцию, которая затем проявляется на протяжении всей последующей жизни...» (Мангейм, 1998, с. 44). Это классическое определение, на которое ссылаются все современные

исследования и метаанализы (Joshi et al., 2010, Urick et al., 2017), закладывает «бомбу замедленного действия» в последующую научную операционализацию понятия поколения и последующие методологические проблемы его изучения (Рикель, 2019).

Своеобразным парадоксом научного изучения поколений является тот факт, что, с одной стороны, поколение не может не являться предметом социально-психологического знания, но с другой стороны — научно-методологическая база исследования поколения крайне размыта.

Поколение — классический предмет исследования в социальной психологии, что легко доказуемо: (1) поколение является естественно функционирующей большой социальной группой (Андреева, 2005), (2) интересной не как изолированный объект исследования, а именно в контексте интеракции и взаимодействия (Андреева, 2005). При этом (3) межпоколенческие отношения — суть классические межгрупповые отношения (Марцинковская, Полева, 2017), где (4) другая группа воспринимается как референтная, или иными словами, «значимая другая» (Левада, 2011).

Методы

Сложности исследования поколений очевидны (Рикель, 2019):

1. Первая проблема связана с необходимостью доказать обусловленность полученной феноменологии культурологическими поколенческими, а не возрастными психологическими различиями (Costanza et al., 2012; Lyons et al., 2019; Parry, Urwin, 2010). Помимо естественных сложностей в разведении этих факторов, отдельного обсуждения заслуживает представление о молодом возрасте как универсальной переменной, обуславливающей социально-психологический портрет поколения (Rudolph, Zacher, 2017). С одной стороны, представляется естественным наибольшая событийная отнесенность социализации именно к юному возрасту, но с другой — очевидно, что социализационные процессы не ограничиваются определенным возрастным периодом.

Решение этой проблемы теоретически возможно за счет сочетания кросс-секционного (сравнения какого-либо параметра у двух поколений единомоментно) и лонгитюдного/срезового анализа (анализа этого же самого параметра у конкретного поколения в рамках длительного промежутка времени), однако малая реалистичность этого дизайна исследования очевидна. Его колоссальная трудоемкость, а иногда и просто невозможность приводят к тому, что он

крайне редко фигурирует в метаанализах межпоколенческих исследований (Twenge, Campbell, Gentile, 2012). В связи с этим авторам исследований приходится прибегать к сопоставительному анализу, не претендующему на абсолютную валидность, анализу открытых социологических баз данных, тоже, увы, достаточно ограниченных, и к упомянутым выше метаанализам по изучаемой проблеме. Еще одним методологическим ходом, решающим проблему разграничения возрастно-психологических и поколенческих признаков, могло бы стать измерение социальной идентификации человека с поколенческой группой (Емельянова, 2022; Нестик, 2014; Петрунина, 2022; Urick et al., 2017), однако испытуемые не всегда идентифицируют себя с конкретными группами, а даже в случае корректной идентификации — не всегда могут соотнести себя с описанием социально-психологического портрета данной группы (Рикель, 2019).

2. Вторая проблема — это аксиоматичное постулирование схожего психологического портрета у всех представителей одного поколения как результата воздействия внешнего социального контекста (Joshi et al., 2010; Costanza et al., 2012) без учета индивидуальных различий и субъективного отражения этого социального контекста (Wang, Peng, 2015), а также других социальных факторов (гендер, социальный статус, образование, место проживания, этническая принадлежность) (Фэй, Онучин, 2018). Соответственно, остается непонятным, кто выступает ключевым объектом исследования внутри поколения. Так, Н. Хоув и У. Штраусс пишут об «активных участниках эпохи» (Howe, Strauss, 2018), а кто они?

Возможное решение данной проблемы связано с формированием представлений о поколении на основе характеристик некоторого его «ядра» (или «энтелехии», как ее называл К. Мангейм (1998)); как выразителей классического философского *Zeitgeist* («духа времени») — своеобразных трендсеттеров эпохи — законодателей моды. Слабо операционализируемое понятие «ядра» нуждается в качественном историко-культурологическом анализе для определения конвенционально важнейшей группы, представляющей все поколение на исторической «сцене». Недостатком этого решения является, как это часто бывает в психологии, влияние ценностной позиции исследователя, которому предстоит определиться, являются ли, например, так называемые шестидесятники ядром и трендсеттерами своего поколения, или, напротив, малочисленной группой (Розин, 2017; Серебрякова, 2019).

3. Третья проблема — это отсутствие четких научных представлений о том, какие именно психологические или социально-психологические исследуемые параметры потенциально подвержены когортным эффектам, то есть изменениям с течением времени у разных поколенческих групп (Радаев, 2018). Возможно, выраженность различных личностных черт и особенности когнитивных функций должны отличаться у разных поколений (с учетом тех же различных социокультурных особенностей социализации), однако, доказать это проблематично (Konrath, O'Brien, Hsing, 2011; Twenge, Campbell, Gentile, 2012).

Нам не встречалось серьезных научных исследований, посвященных строго доказанным изменениям особенностей высших психических функций от поколения к поколению. Исследователи рассуждают о возможных изменениях в мыслительных операциях, неустойчивости процессов внимания и «интеллектуальном серфинге» (Емелин, Тхостов, 2020), но при этом не приводят убедительной доказательной базы. Что касается динамики изменения выраженности каких-либо личностных черт у представителей разных поколений, то на американской выборке показано, что, например, уровень нейротизма, экстраверсии, уверенности в себе и нарциссизма (Stewart, Bernhardt, 2010), креативности (Kim, 2011) последовательно возрастают у каждого следующего поколения, тогда как потребность в социальном одобрении, напротив, снижается (Twenge, Campbell, Gentile, 2012). Аналогичные данные по нейротизму и экстраверсии получены в Швеции, Нидерландах (Smits et al., 2011) и в Австралии (Busch, Venkitachalam, Richards, 2008). Точно так же отметим, что и лонгитюдные исследования, посвященные изменению выраженности отдельных личностных черт, являются большой редкостью и, скорее, исключением, нежели правилом (Twenge, Campbell, Gentile, 2008).

В этом смысле значительная часть исследований межпоколенческих различий по-прежнему посвящена различиям в социально-психологических установках (аттитюдах), представлениях и связанных с ними параметрах. Эти представления находятся под непосредственным влиянием социального контекста, однако, с нашей точки зрения, рефлексия этого влияния как побочной переменной позволяет привнести научную «честность» в получаемые результаты (Тихомандрицкая, Рикель, 2022). Одним из вариантов решений этой зависимости от социального контекста может стать изучение комплексных систем социальных установок и представлений, имеющих отношение к четко

заданным объективно сравниваемым параметрам. Примером таких параметров может стать изучение *культурных жизненных сценариев (КЖС)* — системы представлений о знаковых событиях в рамках жизненного пути. Эмпирически установлено, что эти события (например, брак, рождение детей, трудоустройство) являются практически неизменной частью жизненных сценариев, передающихся из поколения в поколение, но при этом сами установки относительно этих событий могут варьировать и тем самым представлять значимость для повышения валидности межпоколенческого исследования.

4. Четвертая важнейшая проблема — условность классификаций поколений — один из наиболее чувствительных пунктов критики их исследования. Границы поколений в любой из классификаций очерчены произошедшими политическими, экономическими, технологическими событиями.

Во-первых, не очевидно, к какому периоду «жизни» поколения относится влияние того или иного события: ведь социализация является нелинейным процессом, и предсказать воздействие чего-либо в рамках периода, сопоставимого с двадцатью годами, представляется достаточно сложным.

Во-вторых, не до конца ясно, кто определяет «эпохальность» (по Маннгейму) события и степень его значимости: очевидное на словах влияние крупных событий (например, крупных военных действий или появления смартфонов) необязательно воспринимается столь «эпохальным» всеми представителями поколения.

В-третьих, даже принятие какой-либо классификации с существующими границами поколений не до конца проливает свет на психологический портрет людей, родившихся на стыке выделенных поколенческих групп — так называемых «эхо-поколений». С одной стороны, очевидно влияние разных событий и как следствие — разных поколенческих трендов на таких людей. С другой стороны, в отличие от этнопсихологии, здесь нельзя провести четкие границы, что еще сильнее размывает строгость классификации.

В-четвертых, отдельной сложностью можно назвать выделение в классификации поколенческих групп на основе относительно недавних исторических или происходящих в моменте событий: как можно очертить рамки самого молодого поколения, не впадая в футурологические малонаучные рассуждения о текущем или даже будущем контекстах (Розин, 2017)?

Наиболее «медийной» классификацией поколений является типология американских авторов Н. Хоува и У. Штраусса (Howe, Strauss,

2018): их теория далека от науки, ибо помимо классификации опирается на популярные околонучные концепции спиралевидности/цикличности истории (такие же идеи разделяли Л. Гумилев, П. Сорокин, О. Шпенглер). Тем не менее за счет популяризации этой концепции предложенные в ней названия поколений и временные рамки используются в большинстве западных научных работ (Urick et al., 2017): беби-бумеры (1943–1963 г.р.), X (1963–1983 г.р.), Y (1983–2003 г.р.), Z (2003–2023 г.р.).

Несмотря на активную популяризацию этой классификации, у некоторых отечественных исследователей она вызывает недоумение: например, тот же беби-бум, в отличие от США, в СССР пришелся на другие годы, а латинские буквы как названия поколений тоже не вполне объяснимы. Не полностью помогает избавиться от этой критики и так называемая адаптация, проведенная в начале 2000-х годов российскими социологами Е. Шамис и Е. Никоновым (Шамис, Никонов, 2019). Российские типологии в своих названиях чаще опираются на события XX века, связанные с отечественной историей. Так, М.И. Постникова выделяет довоенное, военное, послевоенное, поколение эпохи застоя, перестройки и стабильности (Постникова, 2010). В.А. Семенова в своей классификации называет молодые поколения несколько иначе — «поресторменным» и «постресторменным» (Семенова, 2009). Классификация одного из самых авторитетных российских социологов XX века Ю.А. Левады исторически более традиционная: в ней выделяются переломные моменты истории, которые помогли сформировать поколенческие группы по их годам рождения: 1905–1930 гг. — революционный слом; 1930–1941 гг. — сталинская система мобилизации; 1941–1953 гг. — военный и послевоенный периоды; 1953–1964 гг. — период оттепели; 1964–1985 гг. — период застоя; 1985–1999 гг. — период перестройки (Левада, 2011). Любопытно, что данная периодизация подразумевает выделение этапов абсолютно разной длительности (от 11–12 до 20–25 лет длиной).

Одна из наиболее эмпирически обкатанных в современном исследовательском контексте, при этом по своей сути не сильно отличающаяся от предыдущих классификаций, принадлежит современному социологу В.В. Радаеву (Радаев, 2018). Он, опираясь на логику выделения не только годов рождения, но и годов вступления поколения во взрослую жизнь, выделяет 6 поколенческих групп современной России: 1) мобилизационное (родилось до 1938 года, взрослело в период Великой Отечественной войны и послевоенного десятилетия (1941–1956 гг.); 2) поколение оттепели (родилось в во-

енный период 1939–1946 гг., входило во взрослую жизнь во времена хрущевского правления, породило многих шестидесятников, проявивших себя намного позднее — в период демократических реформ); 3) поколение застоя (родилось в послевоенный период (1947–1967 гг.), а взросло в годы брежневского правления (1964–1984 гг.); 4) реформенное поколение (1968–1981 гг.) — родилось в период застойного социализма, а во взрослую жизнь входило в период перестройки и последующих реформ; 5) миллениалы (родилось в 1982–2000 гг., но их взросление пришлось на относительно благополучный экономический и политический период); (6) поколение Z (годы рождения — 2001 и позднее, годы взросления — начиная с 2017 г.).

Методологический ход выделения в качестве индикатора границ не годов рождения, а времени «вступления во взрослую жизнь», опасен тем, что этот срок характеризуется относительностью. Некоторые исследователи (Howe, Strauss, 2018) относят его к периоду тинейджерства, некоторые — смещают его в сторону так называемого *emerging adulthood* (взросления) 18–25 лет (Arnett, Tanner, 2016). Любопытно, что сам К. Мангейм выделял интервал 17–25 лет, называя их «впечатлительными годами» (*impressionable years*) (Мангейм, 1998), а в современных исследованиях (Giuliano, Spilimbergo, 2013) проверялась гипотеза о «формирующих годах» (*formative age*): для этого анализировали результаты опроса американцев, проводившегося в 1972–2010 гг. в рамках проекта *World Value Survey* с целью выявления времени «кристаллизации» ценностей. Было выявлено, что влияние пережитых в этом возрасте событий оказывается в значительной степени более долгоиграющим, чем воздействие событий, произошедших в иные годы. Авторы называют 18–25 лет в качестве периода формирования большинства установок и ценностей. Как уже отмечалось выше, некоторые исследователи отрицают наличие этих «формирующих годов», отмечая, что социализация протекает на протяжении всей жизни (Рикель, 2019).

Для решения обозначенной здесь проблемы низкой валидности выделяемых рамок внутри классификации некоторые исследователи предлагают радикальное решение — полный отказ от типологизации поколений в целом с изучением динамики отдельных психологических переменных и параметров в рамках некоторого временного промежутка (Gilleard, Higgs, 2005). Так, например, исследователи показывают, что распространенный стереотип о выраженном нарциссизме и индивидуализме представителей поколения Y является всего лишь частью сложного тренда роста нормативного нарцис-

сизма, начинающегося еще у ранних беби-бумеров: при таком раскладе названия поколений только мешают понять логику изменения психологической переменной и являются в этом смысле лишним субстратом. Этот вариант решения проблемы столько же любопытен, сколь и революционен, ибо, по сути, предполагает отказ от удобного для систематизации знания понятия поколения.

Ниже описывается системный подход к исследованию поколений и межпоколенческих различий в социальной психологии, который, с нашей точки зрения, не может полностью решить приведенные выше проблемы, связанные с изучением самого концепта поколения, но тем не менее может повысить обоснованность и доказательность выводов о межпоколенческих различиях в случае его комплексного применения.

Результаты

Системный методологический подход к исследованию поколений в социальной психологии

Решение описанных выше методологических проблем предлагается выполнять с опорой на следующие методологические и методические приемы.

1. Проблема социально-психологического и возрастно-психологического фактора. Методологическим ходом, по сути, призванным проверить» выделяемые исследователями отчасти наобум временные рамки каждого поколения, является математическая процедура APC-анализа (Age-Period-Cohort). APC-анализ позволяет дифференцированно оценить вклад влияния факторов возраста участника, его принадлежности к той или иной поколенческой группе в объяснение динамики той или иной характеристики. Влияние оказывает и время самого замера этой характеристики, то есть время проведения исследования (Keyes, Li, 2012). Этот метод предполагает проведение своеобразного «соревнования» моделей объяснения изменения той или иной характеристики, при этом позволяет выделить в качестве «победителя» этого конкурса только такие факторы, которые вносят значимый вклад в объяснение динамики. Например, если рост нарциссизма связан скорее с обычновенным взрослением участника исследования и добавление в логику объяснения фактора «поколения» участника не дает значимого прироста информации, этот метод сможет оценить влияние

фактора возраста как значимого, а поколения — как не значимого. Напротив, если значимым окажутся оба эти фактора, то содержательный ход в выделении «старших» и «младших» представителей каждого поколения статистически будет более обоснован, так как важным будет как учет возраста, так и поколенческой группы участника исследования. С одной стороны, при таком подходе возможно проверить те или иные модели выделения границ поколений и определить наиболее «объяснительно полезные», дающие больше статистически значимых связей. С другой стороны, можно проверить границы между поколениями на «устойчивость к размыванию», их жесткость и непротиворечивость. Данный подход был апробирован нами в недавнем исследовании и будет кратко описан ниже.

В качестве дополнительных мер, усиливающих данный математический ход, рекомендуется использовать изучение особенностей социальной идентификации с поколением и теоретические метаанализы.

2. Проблема объекта исследования. Изучение «ядра» поколения, как было сказано выше, значительно снижает валидность полученных данных вследствие невозможности научно обосновать выделение этого ядра. Отказ от этого понятия может быть более оправдан, так как за счет использования методологии анализа больших данных (Buckingham, Willett, 2013) можно анализировать большие массивы показателей и привлекать большие выборки, претендуя на всесторонний охват представителей одного поколения. Минус этого решения — возможный риск, связанный с размытием и усреднением тех трендов и установок, которым были подвержены «ядерные» поколенческие группы. Например, тех же самых шестидесятников иногда называют поколением, подразумевая, что их установки можно было охарактеризовать как «ядерные», однако при описанном выше подходе, возможно, эту группу в целом нельзя было бы выделить, ибо она оказалось бы размытой (Воронков, 2005). Однако, с нашей точки зрения, тех же шестидесятников правильно называть не поколением, а, скорее, определенной субкультурой внутри поколения. Наличие многих таких субкультур внутри одной возрастной группы абсурдизирует и лишает смысла использование слова «поколение» для обозначения их психологического портрета, вследствие чего более позитивистский подход, связанный с изучением поколения как

большой социальной группы и основанный на больших данных, представляется более корректным.

3. Проблема классификации поколений. Условность выделяемых рамок поколений привела некоторых исследователей к мысли об отказе от рассмотрения поколения как социальной группы. Менее радикальный вариант, которым могут воспользоваться социологи и социальные психологи, подразумевает большую дробность единиц анализа, например, выделение не просто поколения миллениалов, а ранних и старших миллениалов (Радаев, 2018) как своеобразных квазипоколений. По сути, такое решение даже получило легитимизацию в популярном дискурсе, где присутствуют удобные для восприятия метафоры, такие как «поколение 80-х», «поколение 90-х» и пр. Это помогает конкретизировать культурно-исторический контекст в рамках не 15–25 лет, а 7–10 лет, что служит меньшему размытию событийного фона и большей четкости описываемой поколенческой когорты. С другой стороны, этот ход позволяет качественно «ответить» на футурологические предсказания, согласно которым вследствие технологического прогресса конфликт «отцов и детей» рискует перерасти в конфликт «старших и младших братьев и сестер» (Тоффлер, 2008).

Важно отметить, что при таком делении исчезает необходимость строгого обоснования выбора той или иной границы поколения, ибо поколенческая динамика любой психологической переменной/паттерна при таком фокусе может быть изучена в ее плавной изменчивости, а не крупными «мазками» и «рваными ритмами», где переход между поколениями оказывается неожиданно грубым и где складывается ощущение дискретности и оторванности поколенческих групп друг от друга.

4. Наконец, проблема анализа предмета межпоколенческих различий, фиксирующая сложность изучения психологических переменных в условиях изменяющегося социального контекста, может быть решена путем анализа изменяющегося в неизменном — культурного жизненного сценария (КЖС). КЖС как объект исследования был выбран нами как комплексная система установок относительно жизненного пути. Как мы отмечали выше, именно сравнение установок является частой целью межпоколенческих психологических исследований. Очевидно, что сами по себе установки подлежат изменениям в течение жизненного пути и жестко привязаны к социальному контек-

сту. Однако КЖС позволяет: (а) рассмотреть установки в совокупности относительно всей жизни в целом; (б) рассматривает лишь те установки, которые касаются событий, объективно зафиксированных во времени, свершившихся фактов биографии (например, рождения детей или времени начала и окончания процесса обучения). Время наступления и характер наполнения таких событий могут считаться объективными переменными, которые легче сравнить у нескольких поколенческих групп без опасения быть обвиненными в отсутствии учета возрастных и иных психологических факторов. Более того, большинство проведенных исследований (Нуркова, 2018; Scherman et al., 2017; Wilkinson, Dunlop, 2020) доказывают универсальный характер событийного наполнения КЖС, сохраняющийся при межпоколенческой трансмиссии. При этом отличия внутри КЖС могут касаться характера отношений и установок к этим событиям, но сам их репертуар относительно жестко зафиксирован.

Таким образом, социально-психологическая модель изучения поколений сквозь призму культурных жизненных сценариев может быть визуально представлена с помощью следующей схемы (рис. 1). На схеме представлен комплексный предмет изучения поколений (события как объективные факты, представления о них и отношение к ним), а также методические принципы изучения (АРС-анализ, метаанализы и измерение социальной идентификации), которые условно можно причислить к математическому и социально-психологическому инструментарию, помогающему повысить качество исследования особенностей поколений. На уровне выделения классификаций предлагается перейти к более дробным типологиям поколениям, отказавшись от архаичной системы выделения 15–20-летних когорт, но при этом, бесспорно, сохранив анализ поколения как большой социальной группы.

Данная исследовательская схема использовалась нами в части применения методики АРС-анализа к изучению жизненных сценариев поколений (так называемые поколения застоя, реформенное поколение, миллениалы и поколение Z). В рамках данного исследования нами было проанализировано и «разведено» лишь 2 фактора из 3-х — фактор возраста и поколения. На выборке N = 951 чел. был последовательно проведен возрастно-психологический и межпоколенческий анализ различий в жизненных сценариях у поколений современных россиян. В качестве методики использовалась модифицированная

Пример использования исследовательской схемы

Рис. 1. Схема социально-психологического исследования культурного жизненного сценария поколения

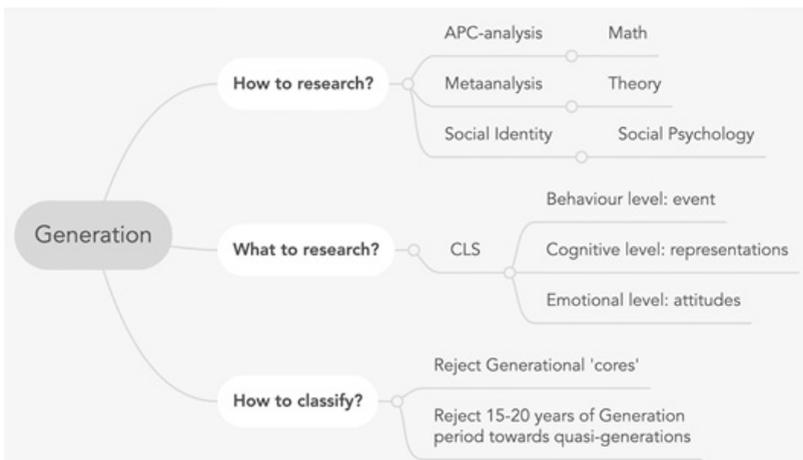

Fig. 1. Scheme of a socio-psychological study of the cultural life scenario in a generation

методика «Линия жизни» (Нуркова, 2018), где, помимо традиционных представлений о времени наступления тех или иных событий в рамках жизненного сценария, нами исследовалось эмоциональное отношение к этим событиям, а также представления об отличиях в воззрениях на эти события в сравнении с другими поколениями.

Обсуждение результатов

Не останавливаясь здесь подробно на социально-психологическом портрете каждого из поколений, отметим кратко основные методологические выводы, позволяющие сделать вывод о применимости и успешности использования данной исследовательской схемы:

1. Было продемонстрировано, что КЖС является валидным объектом для изучения межпоколенческих различий. Так, было показано, что основное наполнение событийного ряда жизненного сценария сохраняется в целом неизменным у 4-х исследуемых поколений: 7 самых часто упоминаемых событий либо входят в так называемое «ядро», либо находятся близко к нему у всех поколенческих групп. Таким образом, соотнесение между собой КЖС как своеобразных «скелетов» для социально-психологических установок, касающихся ключевых жизненных событий, отвечает требованиям внутренней и конструктивной валидности. В то же время нюансы отношения и представлений об этих событиях разнятся от поколения к поколению: отличия наблюдаются в: (1) эмоциональной оценке этих событий, (2) приоритизации событий из карьерной, образовательной, дружеско-романтической или семейных сфер, (3) упоминаниях преимущественно объективно фиксируемых событий или субъективных состояний, а также (4) отношении родителей к тем или иным проявлениям этих событий.

2. Касательно использования APC-методики было показано, что фактор возраста и принадлежности к поколенческой группе могут быть рассмотрены в формате четырехклеточных матриц: представления и отношения к событиям жизненного пути могут быть связаны как с одной из этих переменных, так и с обеими (или, наоборот, ни с одной из них). APC-анализ позволил выявить 13 значимых параметров, по которым можно наблюдать межпоколенческие отличия в КЖС, который должен оставаться неизменным при межпоколенческой трансмиссии. Более того, анализ отсутствия межпоколенческих различий и наличие лишь возрастных особенностей отношения к КЖС делает картину еще более фактурной и интересной. Наиболее отличающейся от других поколенческих когорт можно признать

поколение Z: 62 % отличающихся параметров принадлежит именно этой поколенческой группе.

3. Также была доказана выраженная эмпирическая полезность выделения квазипоколений — поколенческих групп, разделяющих традиционно выделяемые поколения (Радаев, 2018) на две подгруппы. Исследование показало, что при традиционном рассмотрении классических рамок когорт лишь один фактор (потребительского поведения и крупных покупок у поколения миллениалов) может быть объяснен только поколенческими особенностями, в то время как при рассмотрении квазипоколений (7 когорт вместо 4) выделяются дополнительные различия внутри когорт (различия по пяти характеристикам описываемых событий внутри подгрупп поколения миллениалов и по одной характеристике между «старшими» и «младшими» представителями реформенного поколения).

Выводы

Таким образом, предложенная схема исследования поколенческих особенностей и различий в русле социально-психологического подхода, безусловно, не лишена недостатков. На уровне методологии она эклектична и содержит в себе как математический, так и теоретический, и эмпирический социально-психологический уровни. Авторы этой схемы не претендуют на универсальную, лишенную изъянов, методологию, позволяющую избавиться от всех негативных нюансов выявления психологических портретов больших социальных групп. Однако на данный момент исследование поколений занимает маргинальную область в социально-психологическом знании: с одной стороны, большинство исследователей отмечают наличие поколенческих различий внутри социума, с другой — не могут убедительно его показать и доказать. Предложенная здесь схема призвана приблизить методологию этого исследования к классическим канонам позитивизма и доказательной психологии.

Литература

Андреева Г.М. Социальная психология и социальные изменения // Психологический журнал. 2005. Т. 26, № 5. С. 5–15.

Аянян А.Н., Марцинковская Т.Д. Социализация подростков в информационном пространстве // Психологические Исследования. 2016. Т. 9, № 46. С. 8–9. <https://doi.org/10.54359/ps.v9i46.475>

Воронков В.М. Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР // Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 168–200.

Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Дисформативная идентичность // Вопросы философии. 2020. № 4. С. 80–91.

Емельянова Т.П., Викентьева Е.Н., Тарасов С.В. Городская идентичность и образ будущего в двух городах: фактор поколения // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2022. № 4. С. 57–78. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2022-4-57-78>

Иванова Е.И. Проблема поколений и воспроизводство населения: теоретические подходы и реальность // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 42–53.

Ковалева Е.О. Культурная традиция и конфликт поколений в трудах В.О. Ключевского и Н.К. Михайловского // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». 2014. № 2. С. 175–185.

Левада Ю.А. Сочинения: избранное: социологические очерки, 2000–2005 / сост. Т.В. Левада. М.: Карпов Е.В., 2011.

Мангейм К. Проблема поколений / пер. с англ. В. Плунгян и А. Урманчиева // Новое литературное обозрение. 1998. Т. 2, № 30. С. 7–47.

Марцинковская Т.Д., Полева Н.С. Поколения эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение // Мир Психологии. 2017. № 1. С. 24–37.

Маховская О.И. Роль медиа в формировании поколений «гамлетов» и «донкихотов» в России // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15, № 2. С. 105–113. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150213>

Нестик Т.А. Социальная психология времени. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

Нуркова В.В. Жизнь — инструкция по применению: результаты графической экспликации культурного жизненного сценария // Международный журнал исследований культуры. 2018. Т. 1, № 30. С. 55–73.

Петрунина Д.С. «Переходное поколение»: поколенческая идентичность миллениалов // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 57–64. <https://doi.org/10.31857/S013216250018036-2>

Постникова М.И. Концептуальная модель межпоколенных отношений в современном российском обществе // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 2. С. 78–82.

Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>

Рикель А.М. Поколение как объект изучения социальной психологии: исследование на «своем поле» или на «ничьей земле»? // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10, № 2. С. 9–18. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100202>

Розин В.М. Как можно помыслить представление о будущих поколениях // Мир Психологии. 2017. Т. 89, № 1. С. 78–88.

Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: РОССПЭН, 2009.

Серебрякова Е.Г. Шестидесятники: биография поколения // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25, № 1. С. 99–105.

Тихомандрицкая О.А., Рикель А.М. (Не)взрослое поколение: модель исследования поколенческой относительности оценки взрослости // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19, № 2. С. 209–232.

Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2008.

Фэй Т., Онучин А.Н. Интерпретация представителями разновозрастных групп в России и в Китае взаимодействия между руководителями и подчиненными // Организационная психология. 2018. Т. 8, № 3. С. 104–120.

Шамис Е., Никонов Е. Миллениумы (Y) // Rugenerations — российская школа теории поколений. 2019. URL: <https://rugenations.ru/category/миллениумы-у-85-03> (дата обращения 01.03.2023).

Arnett, J.J., Tanner, J.L. (2016). The Emergence of «Emerging Adulthood». Routledge Handbook of Youth and Young Adulthood. Second Edition.

Bristow, J. (2015). Baby Boomers and Generational Conflict. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Buckingham, D., Willett, R. (2013). Digital Generations: Children, Young People, and the New Media. Routledge.

Busch, P., Venkitachalam, K., Richards, D. (2008). Generational differences in soft knowledge situations: Status, need for recognition, workplace commitment and idealism. *Knowledge and Process Management*, 15, 45–58.

Costanza, D.P., Badger, J.M., Fraser, R.L., Severt, J.B., Gade, P.A. (2012). Generational differences in work-related attitudes: A meta-analysis. *Journal of Business Psychology*, 27, 375–394. <https://doi.org/10.1007/s10869-012-9259-4>

Dohmen, T., Falk, A., Huffman, D., Sunde, U. (2012). The inter-generational transmission of risk and trust attitudes. *Review of Economic Studies*, 79, 645–677. <https://doi.org/10.1093/restud/rdr027>

Gauly, B. (2017). The Intergenerational Transmission of Attitudes: Analyzing Time Preferences and Reciprocity. *Journal of Family and Economical Issues*, 38, 293–312. <https://doi.org/10.1007/s10834-016-9513-4>

Gilleard, C., Higgs, P. (2005). Contexts of Ageing: Class, cohort and community. Cambridge: Polity Press.

Giuliano, P., Spilimbergo, A. (2013). Growing up in a Recession. *The Review of Economic Studies* (Retrieved from <http://restud.oxfordjournals.org/content/early/2013/12/25/restud.rdt040.full.pdf>) (review date: 01.03.2023).

Howe, N., Strauss, W. (2018). Millennials Rising : The Next Generation. In Small Business and the City.

Joshi, A., Dencker, J., Franz, G., Martocchio, J. (2010). Unpacking Generational Identities in Organizations. *Academy of Management Review*, 35, 3. <https://doi.org/10.5465/AMR.2010.51141800>

- Keyes, K.M., Li, G. (2012). Age-period-cohort modeling. In *Injury Research: Theories, Methods, and Approaches*. https://doi.org/10.1007/978-1-4614-1599-2_22
- Kim, K.H. (2011). The creativity crisis: The decrease in creative thinking scores on the Torrance Tests of Creative Thinking. *Creativity Research Journal*, 23, 285–295.
- Konrath, S.H., O'Brien, E.H., Hsing, C. (2011). Changes in dispositional empathy in American college students over time: A meta-analysis. *Personality Social Psychology Review*, 15, 180–198.
- Lyons, S.T., Schweitzer, L., Urick, M.J., Kuron L. (2019). A dynamic social-ecological model of generational identity in the workplace. *Journal of Intergenerational Relationships*, 17 (1), 1–24. <https://doi.org/10.1080/15350770.2018.1500332> (WoS)
- Parry, E., Urwin, P. (2010). Generational difference in work values: A review of theory and evidence. *International Journal of Management Reviews*, 13 (1), 79–96.
- Rudolph, C.W., Zacher, H. (2017). Considering generations from a lifespan developmental perspective. *Work, Aging and Retirement*, 3, 2. <https://doi.org/10.1093/workar/waw019>
- Scherman, A.Z., Salgado, S., Shao, Z., Berntsen, D. (2017). Life script events and autobiographical memories of important life story events in Mexico, Greenland, China, and Denmark. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 6, 1, 60–73.
- Smits, I.A., Dolan, C.V., Vorst, H.C., Wicherts, J.M., Timmerman, M.E. (2011). Cohort differences in big five personality factors over a period of 25 years. *Journal of Personality and Social Psychology*, 100, 11–24.
- Stewart, K.D., Bernhardt, P.C. (2010). Comparing Millennials to pre-1987 students and with one another. *North American Journal of Psychology*, 12, 579–602.
- Twenge, J.M., Campbell, W.K., Gentile, B. (2012). Generational increases in agentic self-evaluations among American college students, 1966–2009. *Self and Identity*, 11, 409–427.
- Urlick, M.J., Hollensbe, E.C., Masterson, S.S., Lyons, S.T. (2017). Understanding and managing intergenerational conflict: An examination of influences and strategies. *Work, Aging and Retirement*, 3 (2). <https://doi.org/10.1093/workar/waw009>
- Wang, Y., Peng, Y. (2015). An Alternative Approach to Understanding Generational Differences. *Industrial and Organizational Psychology*, 8 (3), 390–395. <https://doi.org/10.1017/iop.2015.56>
- White, J. (2013). Thinking Generations. *British Journal of Sociology*, 64 (2), 216–247. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12015>
- Wilkinson, D.E, Dunlop, W.L. (2020). Ethnic-Racial Life Scripts: Relations With Ethnic-Racial Identity and Psychological Health. *Emerging Adulthood*, 10 (2), 402–419. <https://doi.org/10.1177/2167696820968691>

References

- Ajanjan, A., Marcinkovskaja, T. (2016). Socializacija podrostrkov v informacionnom prostanstve. *Psihologicheskie Issledovanija (Psychological Research)*, 9, 46, 8–9. <https://doi.org/10.54359/ps.v9i46.475> (In Russ.).

Andreeva, G. (2005). Social psychology and social change. *Psihologicheskij zhurnal (Psychological Journal)*, 26, 5, 5–15 (In Russ.).

Arnett, J.J., Tanner, J.L. (2016). The Emergence of «Emerging Adulthood». *Routledge Handbook of Youth and Young Adulthood*. Second Edition.

Bristow, J. (2015). *Baby Boomers and Generational Conflict*, Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Buckingham, D., Willett, R. (2013). *Digital Generations: Children, Young People, and the New Media*. Routledge.

Busch, P., Venkitachalam, K., Richards, D. (2008). Generational differences in soft knowledge situations: Status, need for recognition, workplace commitment and idealism. *Knowledge and Process Management*, 15, 45–58.

Costanza, D.P., Badger, J.M., Fraser, R.L., Severt, J.B., Gade, P.A. (2012). Generational differences in work-related attitudes: A meta-analysis. *Journal of Business Psychology*, 27, 375–394. <https://doi.org/10.1007/s10869-012-9259-4>

D'jakova, A. (2022). Kto takie millenialy: cennosti pokolenija Y. *RBK Trendy*. (Retrieved from <https://trends.rbc.ru/trends/education/62b2cd0d9a7947102496d14e>) (review date: 01.03.2023) (In Russ.).

Dohmen, T., Falk, A., Huffman, D., Sunde, U. (2012). The inter-generational transmission of risk and trust attitudes. *Review of Economic Studies*, 79, 645–677. <https://doi.org/10.1093/restud/rdr027>

Emel'janova, T.P., Vikent'eva, E.N., Tarasov, S.V. (2022). City identity and the image of the future in two cities: the factr of generation *Vestnik RGGU. Serija: Psihologija. Pedagogika. Obrazovanie (RGGU Bulletin. Series: Psychology. Pedagogics. Education)*, 4, 57–78. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2022-4-57-78>. (In Russ.).

Emelin, V.A., Thostov, A. (2020). Disformational identity. *Voprosy filosofii (Philosophy Issues)*, 4, 80–91 (In Russ.).

Fei Tang, Onuchin, A.N. (2018). Hierarchical intergenerational workplace interactions in Chinese and Russian contexts: a study using experimental visual methods. *Organizacionnaja psihologija (Organizational Psychology)*, 8, 3, 104–120 (In Russ.).

Gauly, B. (2017). The Intergenerational Transmission of Attitudes: Analyzing Time Preferences and Reciprocity. *Journal of Family and Economical Issues*, 38, 293–312. <https://doi.org/10.1007/s10834-016-9513-4>

Gilleard, C., Higgs, P. (2005). *Contexts of Ageing: Class, cohort and community*. Cambridge: Polity Press.

Giuliano, P., Spilimbergo, A. (2013). Growing up in a Recession. *The Review of Economic Studies* (Retrieved from <http://restud.oxfordjournals.org/content/early/2013/12/25/restud.rdt040.full.pdf>) (review date: 01.03.2023).

Howe, N., Strauss, W. (2018). *Millenials Rising : The Next Generation*. In *Small Business and the City*.

Ivanova, E.I. (2012). Problem of Generations and Population Reproduction: Theoretical Approaches and Reality. *Sociologicheskie issledovanija (Sociological Research)*, 4, 42–53. (In Russ.).

- Joshi, A., Dencker, J., Franz, G., Martocchio, J. (2010). Unpacking Generational Identities in Organizations. *Academy of Management Review*, 35, 3. <https://doi.org/10.5465/AMR.2010.51141800>
- Keyes, K.M., Li, G. (2012). Age–period–cohort modeling. In *Injury Research: Theories, Methods, and Approaches*. https://doi.org/10.1007/978-1-4614-1599-2_22
- Kim, K.H. (2011). The creativity crisis: The decrease in creative thinking scores on the Torrance Tests of Creative Thinking. *Creativity Research Journal*, 23, 285–295.
- Konrath, S.H., O'Brien, E.H., Hsing, C. (2011). Changes in dispositional empathy in American college students over time: A meta-analysis. *Personality Social Psychology Review*, 15, 180–198.
- Kovaleva, E.O. (2014). Cultural tradition and conflict of generations in the works of V.O. Klyuchevsky and N.K. Mikhailovsky. *Vestnik TvGU. Serija «Filosofija (TvGU Bulletin. Series Philosophy)*, 2, 175–185. (In Russ.).
- Levada, Ju.A. (2011). Writings: Selected: Sociological Essays, 2000–2005. Ed. T.V. Levada. M.: Karpov E.V.
- Lyons, S.T., Schweitzer, L., Urick, M.J., Kuron, L. (2019). A dynamic social-ecological model of generational identity in the workplace. *Journal of Intergenerational Relationships*, 17 (1), 1–24. <https://doi.org/10.1080/15350770.2018.1500332> (WoS)
- Mahovskaja, O.I. (2019). The role of the media in shaping the generations of Hamlets and Don Quixotes in Russia. *Kul'turno-istoricheskaja psihologija (Cultural-Historical Psychology)*, 15, 2, 105–113. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150213>. (In Russ.).
- Mangejm, K. (1998). The problem of generations. K. Mangejm; transl. to rus. V. Plungjan i A. Urmanchieva. *Novoe literaturnoe obozrenie (New Literature Review)*, 2, 30, 7–47. (In Russ.).
- Marcinkovskaja, T.D., Poleva, N.S. (2017). Generations of the Era of Transitivity: Values, Identity, Communication. *Mir Psihologii (World of Psychology)*, 1, 24–37. (In Russ.).
- Nestik, T.A. (2014). Social psychology of time. M.: Izd-vo Institut psihologii RAN. (In Russ.).
- Nurkova, V.V. (2018). Life — instructions for use: the results of the graphic explication of the cultural life scenario. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury (International Journal of Cultural Studies)*, 1, 30, 55–73. (In Russ.).
- Parry, E., Urwin, P. (2010). Generational difference in work values: A review of theory and evidence. *International Journal of Management Reviews*, 13 (1), 79–96.
- Petrulina, D.S. (2022). «Perehodnoe pokolenie»: pokolencheskaja identichnost' millenialov. *Sociologicheskie issledovanija (Sociological Research)*, 2, 57–64. <https://doi.org/10.31857/S013216250018036-2>. (In Russ.).
- Postnikova, M.I. (2010). Konceptual'naja model' mezhpokolennyh otnoshenij v sovremennom rossijskom obshhestve. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija (The world of science culture and education)*, 2, 78–82. (In Russ.).
- Radaev, V. (2018). Millennials compared to previous generations: An empirical analysis. *Sotsiologicheskie Issledovaniya (Sociological research)*, 3, 15–33. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>. (In Russ.).

Rikel, A.M. (2019). Generation as a social-psychological research object: playing at home or an away match? *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo (Social psychology and society)*, 10, 2, 9–18. (In Russ.).

Rozin, V.M. (2017). Kak mozžno pomyslit' predstavlenie o budushhih pokolenijah. *Mir Psichologii (The world of psychology)*, 1, 89, 78–88. (In Russ.).

Rudolph, C.W., Zacher, H. (2017). Considering generations from a lifespan developmental perspective. *Work, Aging and Retirement*, 3, 2. <https://doi.org/10.1093/workar/waw019>

Scherman, A.Z., Salgado, S., Shao, Z., Berntsen, D. (2017). Life script events and autobiographical memories of important life story events in Mexico, Greenland, China, and Denmark. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 6, 1, 60–73.

Semjonova, V.V. (2009). Social Dynamics of Generations: Problem and Reality. M.: ROSSPEN, (In Russ.).

Serebrjakova, E.G. (2019). Sixties: a biography of a generation. *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta (Bulletin of the Ural Federal University. Ser. 1, Problems of education, science and culture)*, 25, 1, 99–105. (In Russ.).

Shamis, E., Nikonov, E. (2019). Milleniums (Y). Rugegenerations — Russian school of generation theory. (Retrieved from: <https://rugegenerations.su/category/millenyumy-85-03>), (review date: 01.03.2023) (In Russ.).

Smits, I.A., Dolan, C.V., Vorst, H.C., Wicherts, J.M., Timmerman, M.E. (2011). Cohort differences in big five personality factors over a period of 25 years. *Journal of Personality and Social Psychology*, 100, 11–24.

Stewart, K.D., Bernhardt, P.C. (2010). Comparing Millennials to pre-1987 students and with one another. *North American Journal of Psychology*, 12, 579–602.

Tikhomandritskaya, O.A., Rikel, A.M. (2022). (Non)adult Generation: A Model for Studying the Generational Relativity of Maturity Assessment *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19, 2, 209–232. doi: 10.22363/2313-1683-2022-19-2-209-232 (In Russ.).

Toffler, E. (2008). Future shock. M.: AST. (In Russ.).

Twenge, J.M., Campbell, W.K., Gentile, B. (2012). Generational increases in agentic self-evaluations among American college students, 1966–2009. *Self and Identity*, 11, 409–427.

Urlick, M.J., Hollensbe, E.C., Masterson, S.S., Lyons, S.T. (2017). Understanding and managing intergenerational conflict: An examination of influences and strategies. *Work, Aging and Retirement*, 3 (2). <https://doi.org/10.1093/workar/waw009>

Voronkov, V.M. (2005). The project of the “sixties”: the protest movement in the USSR. In Fathers and Sons. Generational analysis of modern Russia. In Ju. Levada, T. Shanin (pp. 168–200). M.: Novoe literaturnoe obozrenie, (In Russ.).

Wang, Y., Peng, Y. (2015). An Alternative Approach to Understanding Generational Differences. *Industrial and Organizational Psychology*, 8 (3), 390–395. <https://doi.org/10.1017/iop.2015.56>

White, J. (2013). Thinking Generations. *British Journal of Sociology*, 64 (2), 216–247. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12015>

Wilkinson, D.E, Dunlop, W.L. (2020). Ethnic-Racial Life Scripts: Relations With Ethnic-Racial Identity and Psychological Health. *Emerging Adulthood*, 10 (2), 402–419.
<https://doi.org/10.1177/2167696820968691>

Поступила: 15.02.2023

Получена после доработки: 20.03.2023

Принята в печать: 31.07.2023

Received: 15.02.2023

Revised: 20.03.2023

Accepted: 31.07.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александр Маркович Рикель — кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, a.m.rikel@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6940-4244>

Егор Андреевич Дорохов — аспирант кафедры психологии личности факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Консультант Управления оценки персонала Университета Банка России, dorohov.e@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7433-2046>

ABOUT THE AUTHORS

Alexander M. Rikel — Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, a.m.rikel@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6940-4244>

Egor A. Dorokhov — Graduate Student in Psychology at the Department of Psychology of Personality, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Bank of Russia Consultant, dorohov.e@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7433-2046>